

— Динчэнь...

Этот тихий шепот заставил Гун Динчэня вздрогнуть.

Он не слышал, чтобы Линь Му называл его так, уже очень давно — с тех самых пор, как он, продумав коварный план, отправил Линь Ли в Государство Лю в качестве заложника.

Возможно, Линь Му надеялся, что, взывая к их былой дружбе, он заставит его проявить милосердие. Но Гун Динчэнь слишком хорошо понимал: лишь удерживая человека перед собой, можно рассуждать о будущем.

Бесконечное погружение в прошлое лишь делает человека слабым и заставляет его искать спасения в бегстве.

— Прекрасно. Вижу, ты еще помнишь, кто я такой. Но если я еще хоть раз услышу из твоих уст чужое имя, то клянусь: ты испустишь дух прямо на этом ложе.

Жестокая угроза вырвала Линь Му из плена воспоминаний. Он беспомощно смотрел, как лицо императора приближается к его собственному. Его руки уперлись в грудь Гун Динчэня, пытаясь оттолкнуть, но сил не осталось.

Жар, разливавшийся по телу, казалось, готов был поглотить его целиком, сжигая последние остатки рассудка.

Тяжесть тела сверху становилась все более бесцеремонной. Линь Му чувствовал невыносимый зуд, а намеренные дразнящие ласки Гун Динчэня делали его мучения невыносимыми.

Когда разум был окончательно поработен действием зелья, Линь Му приоткрыл губы, и из них вырвался слабый, полный мольбы голос, способный растопить даже камень:

— Умоляю... отпусти меня...

Он всегда был таким упрямым — настолько, что даже после вчерашних истязаний не проронил ни слова мольбы. А теперь, стоило лишь коснуться его, как он уже не выдержал.

Похоже, действие этого аромата поистине впечатляет.

Гун Динчэнь с редкой нежностью смахнул слезу с уголка его глаза. Глядя на то, как Линь Му лежит в его объятиях, словно сломленный его жестокостью, он ощутил прилив властного желания обладать им еще сильнее.

Однако Гун Динчэнь не собирался прощать Линь Му только из-за его мольбы. Впрочем, на этот раз он действовал не так грубо, как минувшей ночью, да и само зелье сделало свое дело: Линь Му, на удивление, даже ответил на ласки.

После всего случившегося Линь Му погрузился в глубокий сон, но даже во сне его брови оставались нахмуренными, ни на мгновение не расслабляясь. Гун Динчэнь поправил одежду и кончиками пальцев осторожно погладил межбровье спящего, пытаясь разгладить складку, но все было тщетно.

Вспоминая, как нежно звучало его имя из уст Линь Му, он подумал: как было бы прекрасно, если бы тот мог произносить его так же, будучи в здравом уме.

— Ваше Величество, — раздался осторожный стук в дверь. Это был Фу Цюань.

На этот раз Гун Динчэнь, на удивление, не впал в ярость.

— Говори.

Фу Цюань, стоя за дверью, поклонился и доложил:

— Посланник из Западных земель просил узнать, удовлетворен ли Ваше Величество действием Аромата одурманивания.

— Передай им, пусть идут за наградой.

Услышав, что император в хорошем расположении духа, Фу Цюань заметно приободрился и осмелился задать еще один вопрос:

— Не желает ли Ваше Величество продолжить приготовление отваров? Посланник просил обратить внимание на побочные эффекты.

Гун Динчэнь погладил влажную от пота шею Линь Му. Тот дышал ровно, а на щеках все еще играл румянец от пережитого возбуждения — видимо, он был совершенно измотан.

Он прижал его к себе крепче, подкладывая руку под голову, чтобы тому было удобнее спать.

Гун Динчэнь, чьи мысли были полностью заняты обладанием телом Линь Му, мечтал лишь о том, чтобы каждый день был таким же безмятежным, и совсем не хотел думать о каких-то там побочных эффектах.

— Неважно, — ответил он.

Получив приказ, Фу Цюань не удивился.

Он давно знал, что этот монарх бессердечен и заботится лишь о собственном удовольствии, не задумываясь о том, во что превратится бывший наследный принц из-за этого зелья. Поэтому он решил промолчать и не передавать слова посланника до конца.

А ведь тот предупреждал: если принимать зелье дольше десяти дней, человек навсегда лишится рассудка и чувств, доживая свой век словно живой труп.

Впрочем, Гун Динчэня такой финал вряд ли заботил.

<http://bllate.org/book/19081/1873917>